

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МОДА ИЛИ ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ? (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Как известно, термин «эго-документ» является изобретением западных специалистов¹. Опуская подробности, следует отметить те причины, которые способствовали рождению неологизма. В этом случае принято говорить об антропологизации науки, которая вернула «маленькому человеку» его место на авансцене истории. Но, не останавливаясь на банальностях, хочется подчеркнуть другое – то, что представляется главным следствием изменения историографической ситуации в этой связи, а именно – очевидный дрейф исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний. Именно в рамках этого дрейфа актуализировались такие проблемы, как этничность, религиозность, идентичность, гендер, имагологические исследования, история эмоций, исследования памяти и ейджинговые исследования, а также многие другие изыскания, маркирующие те или иные проявления индивидуальности и коллективности.

В изучении этих проблем источники, характеризующиеся непременным присутствием «Я» и не столько запечатлевающие исторические события, сколько создающие их ощущение, стали просто незаменимыми, заполнив лакуны официоза и обрета ту самую самость, которая позволила повысить их статус среди прочих свидетельств прошлого. Изменившееся при этом отношение к документальности, проявившееся в снижении авторитета официальных документов, а с ними и авторитета государственных архивов, заточенных прежде всего на сохранение официальной истории², стало еще одним фактором, добавившим бонусов эго-терминологии, которая, как известно, разнообразна и кроме «материнского» понятия включает еще и такие, как «само-свидетельство», «авто-текст», «я-документ», «жизнеописание», «исповедальный текст» и пр. При этом едва ли стоит удивляться, что эти «эпитеты», использовавшиеся при характеристике тех или иных нарративов, стали звучать в различных комнатах большой гуманитарной квартиры. «Расколдовывание» различных состояний

и смыслов эго-документов изначально было делом всех членов гуманитарной семьи, превратив исследования авто-текстов в непременно междисциплинарные.

В силу демократичности, гибкости, инвариантности классификационных схем, используемых за пределами России применительно к различным свидетельствам прошлого, эго-терминология прижилась и вошла в обиход довольно быстро, породив вокруг себя богатую историографическую традицию. И подводя черту под всем вышесказанным, можно резюмировать, что возникновение термина «эго-документ» на Западе стало не чем иным, как сигналом обновления тематических, источниковых и концептуальных рамок исторических исследований, с которыми обновился и их язык, их терминологическая рамка.

Все эти процессы настигли и отечественную историческую науку, которая в известный момент переживала глубочайший кризис советской модели историописания. Разочарование в ней, что характерно, имело место быть не только в профессиональной среде, но и среди не особо просвещенных и посвященных потребителей исторического знания. Тонны чугуна и стали, число танков и снарядов, ракет и атомных бомб, – история, которая ставила во главу угла эти достижения, давно уже перестала быть узнаваемой, не совпадая с тем, о чем говорили внутрифамильные истории людей. Пока историки собирались с мыслями, эту социальную интуицию уловили российские издательства, «зарядив» целые серии специальных публикаций, в числе которых особо выделяются серии издательства «Новое литературное обозрение» «Переписка» и «История в мемуарах».

Специальные научные исследования, основанные на междисциплинарном подходе и документах, попадающих в номинацию «эго-», заставили себя ждать относительно недолго³. Авторы этих работ, однако, использовать в своих работах термин «эго-документы» не спешили, и он, надо признать, до сегодняшнего дня продолжает рассматриваться многими как маргинальный⁴.

Действительно, зачем нам термин «эго-документ»? Источники, отнесенные на Западе к числу таковых, в родном отечестве давно и хорошо известны, рассуждали и рассуждают скептики. Уже в начале XX в. их публикации исчислялись несколькими тысячами наименова-

ний. С.Р. Минцлов, в частности, подсчитал, что к 1911 г. в России насчитывалось опубликованных записок, дневников, воспоминаний, писем и путевых заметок: 859 – от времен Петра I до Павла I; 2155 – от времен Александра I до Николая I; 1282 – от времен Александра II до Александра III; итого – порядка 4,3 тыс. публикаций⁵. В XX в. ретроспективные документы публиковались не менее активно, о чем свидетельствовали и свидетельствуют многочисленные аннотированные указатели соответствующих изданий⁶. С выработкой специальных подходов к изучению этих источников тоже, вроде бы, все было хорошо⁷. Больше того, к 1980-м гг. в российской историографии окончательно утвердился термин «источники личного происхождения», которые были вписаны в видовую типологизацию исторических источников, казавшуюся тогда – а многим и сегодня кажущуюся – оптимально соответствующей цели системного осмысления материальной и духовной культуры.

Не удивительно, что среди отечественных историков большинство восприняло появление термина «эго-документ» как нарушение отечественной традиции классификации источников и прежде всего покушение на понятие «источники личного происхождения». За поклонением «идолу истоков», от которого когда-то предостерегал еще Марк Блок, а также разговорами о деколонизации национального исторического дискурса, якобы чрезмерно засоренного инозаимствованиями, многие отечественные специалисты, однако, никак не хотят замечать явного противоречия «новые исследования VS старая терминология». Озабоченность этой проблемой среди российских источниковедов проявил, пожалуй, только коллектив авторов под руководством А.К. Соколова. «Становится очевидным, что прежнее источниковедение здесь не оправдывает себя. Необходимо привлечение новых источников, иное прочтение тех, которые считаются основополагающими, изменение способов работы с ними. В теории это касается, прежде всего, переоценки устоявшихся в источниковедении классификационных схем и переосмысления значимости отдельных типов и видов источников для исследовательской практики историка. ...В центре внимания историков на протяжении длительного времени были преимущественно такие источники как мемуары, дневники, письма, хотя всегда было очевидно, что круг материалов личного происхождения

является куда более широким. К ним с полным правом можно отнести те, в которых заложена автобиографическая, социальная, этнографическая, социально-психологическая и другая информация, которая отсутствует в официальных документах, а также в источниках других типов и видов», – отметили авторы работы «Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика», едва ли не впервые в России рискнув упомянуть на уровне учебника термины «я-документ» и «эго-документ»⁸.

Помимо изменения историографической ситуации в целом, причин для рефлексии на тему эго-документы или источники личного происхождения, впрочем, и так предостаточно. Действительно, источники личного происхождения всегда несколько выбивались по критериям своей идентификации из ряда всех остальных источников. Очевидно, что понятие «источники личного происхождения» фокусирует внимание на происхождении документа, тогда как терминалии «законодательство», «статистика», «делопроизводство», «периодика» и пр. отсылают нас прежде всего к его назначению. Так или иначе, но даже И.Д. Ковальченко, в 1982 г., характеризуя видовую классификацию свидетельств прошлого писал: «Широко распространенное до последнего времени в советском источниковедении деление всей совокупности исторических источников ... представляется непоследовательным в силу неоднозначности принципов и критериев их выделения (одни группы выделены по форме отражения действительности, другие – по способу фиксации информации, третьи – по объекту отражения)»⁹.

Еще одна важная проблема, связанная с источниками личного происхождения, состоит в том, что для них давно уже стал характерным, если можно так выразиться, комплекс неполноценности. В иерархии свидетельств прошлого они всегда занимали последнее или близкое к последнему место, поскольку рассматривались не иначе, как вспомогательные, дополнительные и, по сути, вторичные: «Мемуарная литература является весьма ценным источником. Использование ее в научно-исследовательской работе помогает преодолеть схематизм в изложении исторических событий, обогатить научные труды ярким материалом, важными и характерными деталями»¹⁰, «Воспоминания способны восстановить множество фактов, которые не отразились

в других видах источников. Мемуарные частности могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события»¹¹, «Источники личного происхождения дают исследователю поистине неисчерпаемое множество деталей и примет времени, которые отсутствуют в других источниках»¹².

Вторичность же источников личного происхождения традиционно обосновывалась ссылкой на их субъективность, которая воспринималась не иначе как изъян: «Отличительной особенностью мемуарной литературы является ее субъективность, которая резко бросается в глаза... Важнейшим дополнением к запискам являются письма XVIII в., которые, как и мемуарная литература, отличаются значительной субъективностью»¹³, «Воспоминания, дневники и частные письма являются теми историческими источниками, субъективные особенности авторов которых, как правило, сказываются крайне сильно и выразительно на их объективной познавательной ценности»¹⁴, «Ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»¹⁵, «Субъективность и индивидуальность внутренне, органически присущи всем этим источникам. Личностные особенности авторов сказываются на объективной познавательной ценности этих источников ... Историк обязан внимательно изучать и учитывать эти личные особенности»¹⁶. Как представляется, использование термина «эго-документы» помогло бы снять проблему неполноценности источников личного происхождения, не просто их реабилитируя, но и выводя на новый уровень исследования писем, дневников, воспоминаний и целого ряда документов пограничных жанров.

Вместе с тем все это отнюдь не свидетельствует в пользу безоговорочного употребления термина «эго-документ». Думается, что западная и российская традиции идентификации источников вполне могут существовать параллельно, и совсем не потому, что общая – антропологическая – природа любого свидетельства прошлого не отменяема. Маркировки «эго-документы» и «источники личного происхождения» могут мирно уживаться потому, что их использование – вопрос ситуации. В процессе «внутрицеховой» коммуникации, для внутреннего пользования историков, как представляется, конструкция «источники

личного происхождения» остается вполне пригодной, рабочей. Если же речь идет о практике междисциплинарных исследованиях историко-антропологического свойства, то логично использовать порожденные этой практикой языки описания, методы и пр., чтобы не оказаться в ситуации «про паровоз я, барин, понял, теперь скажи только, куда тут лошадь запрягать?»

Таким образом, из плоскости «мода или необходимость?» проблема эго-терминологии перетекает в нечто принципиально иное. В корне ее состоит вопрос о необходимости определить, что для нас важнее всего в источниках эго-жанра – беспрецедентное личное или социально типическое? И если радикальный постмодернизм требует от нас остановить свой выбор на первом, то более традиционные исследовательские стратегии – безусловно на втором. Отказавшись же от любой конфронтационной риторики, можно сказать, что эго-источники – это замечательное решение проблемы фокусной точки гуманитарных исследований, поскольку они экспонируют и мир отдельной личности (Я), и ее социально обусловленные «параметры» (МЫ), позволяя тем самым изучать типы кристаллизации самых разных социальных «пород» – от уникальных до статистических.

Собственно об этом и свидетельствуют материалы ретроспективного издания, демонстрирующего прежде всего современный уровень усвоения эго-документальной теории. И даже если признать, что в россыпи представленных текстов претензия на интерпретационную новизну автореферентных стратегий закамуфлирована вполне традиционной тематикой и риторикой, отказать настоящему сборнику в постановке целого ряда вопросов, связанных с изучением источников эго-жанра, едва ли возможно. Композиция сборника, предложенная его создателями, не требует особых комментариев, будучи ориентирована на проблематизацию концепта «эго-документ», рационализацию многообразия так называемых само-свидетельств и – в конце концов – на динамизацию соответствующих научных изысканий. При этом, исходя из того, что история любого понятия, включая со временем отвергнутые и отправленные в словарь архаизмов, поучительна, настоящий сборник, как представляется, не потеряется в числе прочих научных изданий, заняв среди них свое, пусть даже скромное, место.

Примечания

¹ См. об этом: Безрогов В.Г. В тисках автобиографии: новые зарубежные справочные издания по истории рассказов о себе и своей жизни // Человек. 2004. № 4. С. 156–166; Зарецкий Ю.П. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Социальная история: Ежегодн. СПб., 2008. С. 329–340; Он же. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования французских историков // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. Ростов-на-Дону, 2011. С. 54–68; Он же. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2012. № 3. С. 218–232; и др.

² См. об этом: Блоуин Ф., Розенберг У. Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Сб. статей. М., 2013. С. 125–153.

³ См., напр.: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; и др.

⁴ Исключения из этого правила см.: Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007; Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007.

⁵ См.: Минцлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России. Новгород, 1911–1912.

⁶ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публ. в журналах / науч. рук., ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. Т. 1–5. М., 1976–1989; История советского общества в воспоминаниях современников: Аннотированный указатель мемуарной литературы. М., 1958, 1961, 1967; Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Т. 1. М., 1987; Т. 2. М., 1990; Т. 3. М., 1994; Т. 4. М., 2001.

⁷ См. об этом, к примеру: Алексеев В.В. Основные итоги изучения эпистолярных источников в советской научной литературе 60–80-х годов. М. 1987; Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970; Курносоев А.А. Личность в истории, история в личности // История СССР. 1971. № 4; Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник. М., 1959; Принципы издания эпистолярных текстов. М., 1964; Прохоров Е.П. Эпистолярная публицистика: Учеб.-метод. пособие. М., 1966; Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991; и др.

⁸ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004.

⁹ Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: К постановке проблемы // История СССР. 1982. № 3. С. 143.

¹⁰ Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР: Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г. М., 1962. С. 373.

¹¹ Кабанов В.В. Источниковедение советского общества. М., 1997. С. 133; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медупевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 639.

¹² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004.

¹³ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. С. 220, 227.

¹⁴ Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в. / отв. ред. И.А. Федосов. М., 1970. С. 347.

¹⁵ Зайончковский П.А. Предисловие // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1976. С. 6.

¹⁶ Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. Изд. 2-е. М., 1981. С. 343.

Н.В. Суржикова